

Сергей Чувашов

**Вчера ты был королём, а
завтра уже в музее.
Смешные, страшные и
нелепые истории о
профессиях, которые
сожрал прогресс**

Сергей Чувашов
Вчера ты был королём, а
завтра уже в музее. Смешные,
страшные и нелепые
истории о профессиях,
которые сожрал прогресс

<https://litres.ru/73833581>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир летит в тартарары, и мы летим вместе с ним. Только вчера ты гордо называл себя «человек-будильник» и стучал палкой в окна заказчиков, а сегодня какой-то смартфон делает то же самое за три секунды. Обидно? Ещё как. В этой статье мы безжалостно, но с юмором разберём, куда исчезли извозчики, телефонистки, тапёры и сборщики пиваков.

Поговорим с выдуманым дедом-фонарщиком, посмеёмся над его внуком-блогером и выясним, кто из нас следующий в очереди на вылет. Бухгалтеры, библиотекари, водители, нотариусы — держитесь крепче. Искусственный интеллект уже точит на вас зуб. Но не паникуйте. В конце мы расскажем, как не оказаться на

свалке истории и даже извлечь из этого хаоса выгоду. Спойлер: придётся учиться. Да-да, снова.

Сергей Чувашов

Вчера ты был королём, а завтра уже в музее. Смешные, страшные и нелепые истории о профессиях, которые сожрал прогресс

Глава

первая: Слушай, мир-то меняется. А ты нет?

— Пап, а кто такой «человек-будильник»? — спросил как-то вечером мой племянник Арсений, отрываясь от своего айфона.

— Ну, — я сделал вид, что задумался, — это такой дядька, который утром стучал палкой в твоё окно, чтобы ты не проспал школу.

— Бред, — Арсений хмыкнул. — У меня же будильник есть. Зачем палка?

И тут меня осенило. Через каких-то лет десять этот пацан будет так же удивляться, узнав, что люди сами водили машины. Или что существовали кассиры в супермаркетах.

Или что журналисты не снимали ролики на телефон с одного дубля.

Меняется мир, меняемся мы. Это называется «прогресс», и он, зараза такая, не спрашивает разрешения.

Вот скажите честно: кто из вас десять лет назад знал слово «мультиварка»? А теперь она у каждой второй бабушки на кухне. А через пятнадцать лет мы будем на неё смотреть как на допотопный каменный топор. Потому что придут какие-нибудь умные сковородки с нейросетью, которые сами приготовят ужин, помоются и ещё стихи на ночь расскажут.

Дым, телеграф и «алло?»

— А раньше, — люблю я начинать фразы, от которых дети закатывают глаза, — люди дымом передавали информацию.

— Как дымом? — Арсений всё-таки отложил телефон. Успех.

— Костер разводили, закрывали его мокрой травой, и столб дыма поднимался. Договорятся, что три клуба — «наши наступают», а четыре — «спасайся кто может».

— А если ветер?

— Ветер — это проблема, — согласился я. — Потом телеграф придумали. Потом радио. Потом телефон проводной, потом кнопочный мобильник, а теперь у тебя в кармане смартфон, который мощнее, чем компьютер у космонавтов в девяностых.

— Круто.

— А через пять лет, — добиваю я его, — ты будешь вспо-

минать этот смартфон как смешную игрушку. Потому что будет имплант в голове или голограмма из часов.

Арсений побледнел и схватился за телефон как за родного.

— Не отдам, — прошептал он.

Исчезнувшие профессии: кто эти люди?

Вы когда-нибудь слышали слово «пинсеттер»? Нет? И я нет, пока не залез в интернет. Оказывается, это был чувак в боулинге, который вручную собирал сбитые кегли и ставил их обратно. Представьте: работа мечты для того, кто не боится шума и ценит физический труд. А теперь это делает автомат за полсекунды.

Или «человек-локатор». Во время войны специальные люди сидели с большими металлическими конструкциями, похожими на гигантские уши, и слушали, откуда летят самолёты. В наше время эту работу делают радары, причём в сотни раз точнее.

А «тряпичник»? Собирал старые тряпки, кости, бутылки, что-то перепродавал, что-то сдавал на переработку. Сегодня это назвали бы «экологичный ресайклинг-менеджер». Но сто лет назад это был бедный дядька с тележкой, которого сторонились собаки.

— Слушай, — Арсений оживился, — а «сборщик пиявок» — это правда?

— Правда. До изобретения современных лекарств врачи ставили банки с пиявками. Считалось, что они вытягивают

«плохую кровь». Мужики ходили по болотам, ловили пиявок голыми ногами и продавали в аптеки.

— Фу-у-у, — Арсений поморщился. — Ну и работка.

— Зато без колледжа, — подмигнул я.

Диалог с выжившим извозчиком

Давайте представим, что мы можем поговорить с Иваном Петровичем, который в 1900 году работал извозчиком в Москве. Он сдал экзамен, получил «извозную книжку», гордился своей пролёткой и лошадью по кличке Ветер. А потом появились автомобили.

— Иван Петрович, как вы отнеслись к первым «бензиновым повозкам»?»

— Да как, — он бы крикнул. — Воняют, гремят, лошадей пугают. Сядет туда какой-нибудь купчишка и давай пылить на всю улицу. А где душа? Где разговор с седоком? У меня в пролётке пледы, бубенцы, лошадь умная — сама знала, куда поворачивать.

— А сейчас бы вы кем работали?

— Наверное, водителем такси. Только жаль, лошадей нет. И пледов. И бубенцов.

— А через десять лет и водители не понадобятся. Беспилотные машины поедут.

Иван Петрович перекрестился бы и ушёл в закат, бормоча что-то про конец света.

А ведь мы смеёмся, а сами стоим на пороге того же. Сегодня ты — крутой водитель с двадцатилетним стажем. А зав-

тра приходит стартап с автопилотом и говорит: «Спасибо, вы свободны».

Телефонистка Лена и её больные пальцы

Моя тётя Лена работала телефонисткой в семидесятые. Сидела в огромном зале с коммутатором, в наушниках, и втыкала штекеры в гнёзда.

— Лена, тяжело было?

— Ты представляешь, за час через меня проходило до шестисот звонков. Пальцы потом не разгибались. А мужчины-телефонисты не выдерживали — грубили абонентам, бросали трубки. Девушек брали, потому что мы терпеливее.

— А сейчас?

— Сейчас автомат всё делает. Нажал кнопку — и готово. Но знаешь, — она вздыхает, — иногда хочется услышать живой голос оператора, а не робота, который говорит «ваш звонок очень важен для нас».

Секретарь-машинистка Зина

Другая история. Моя соседка Зинаида Павловна в молодости была секретарём-машинисткой. Печатала на механической машинке «Ундервуд» со скоростью 400 знаков в минуту.

— Это же как пулемёт, — восхитился Арсений.

— Почти. Но если ошибёшься — перепечатавай всё заново. Никакого тебе «бэкспейса». Корректор вонял, бумага мазалась. А начальник стоит над душой: «Зина, скорее, у нас совещание через десять минут».

— А сейчас?

— Сейчас твоя сестра, Вика, на ноутбуке печатает в десять раз быстрее, и даже не смотрит на клавиши. А меня на работу не берут — говорят, зачем нам машинистка, когда есть «Ворд» и «Эксель»?

И Зинаида Павловна обиженно поджигает губы.

Что исчезнет через десять лет? (Спойлер: вы не обрадуетесь)

Всемирный экономический форум не шутит. Ещё пару лет назад они предсказали, что 75 миллионов человек останутся без работы из-за технологий. И не где-нибудь, а в ближайшем будущем.

Я открыл «Атлас новых профессий» от СКОЛКОВО (да, есть такой, очень страшный и полезный) и честно прочитал список тех, кому скоро конец.

Бухгалтеры. Вы смеётесь? А зря. Программы вроде «1С» уже сейчас делают всё, что делал бухгалтер двадцать лет назад. Осталось только тыкать мышкой. А через пять лет нейросеть будет вообще сама подключаться к банкам, сверять счета, подавать отчёты. Человек будет нужен только чтобы пыль с монитора стирать.

Нотариусы. Арсений спросил: «А кто это?» Я объяснил: дяденька, который заверяет документы. «А почему компьютер не может?» — «Может, скоро сможет. Электронная подпись, блокчейн — и всё, нотариусы идут в музей к фонарщикам».

Кассиры. Помните, как раньше стояли очереди в магазинах, а кассирша пробивала товары с такой скоростью, что пальцы мелькали? Сейчас везде кассы самообслуживания. Через пять лет кассиры будут такой же редкостью, как кузнецы.

Курьеры. Дроны, роботы-доставщики — они уже ползают по тротуарам в Москве и других городах. Классные такие железные коробки на колёсиках. Один заменит десять курьеров на велосипедах.

Водители. Тут я особенно загрустил, потому что люблю водить. Но факт: беспилотные такси уже тестируют в России. Ещё лет десять — и на трассы выпустят колонны грузовиков без водителей. Штурманы — туда же. Зачем штурман, если есть GPS и голосовой помощник?

Библиотекари. Арсений закричал: «Не-е-ет, наша тётя Таня работает в библиотеке!» Я его успокоил: пока не исчезнут, но традиционные библиотеки превращаются в электронные. А те, кто выдаёт книжки на руки, скоро станут экскурсоводами или цифровыми кураторами. Или роботами.

Корректоры. Моя знакомая Наташа, которая пятнадцать лет правила чужие тексты, в прошлом году осталась без работы. Потому что «Ворд» подчёркивает ошибки, а «Грамматика» проверяет стиль. Обидно до слёз.

— Наташ, а ты не боишься?

— Боюсь. Но учусь на таргетолога. Теперь буду запускать рекламу в соцсетях.

— Молодец. Вот это правильно.

Журналисты. Тут интересная история. Раньше журналист писал текст в газету. Потом — в интернет. А теперь от него хотят, чтобы он за десять минут снял видео, смонтировал, сделал крутой снимок, выложил в трёх соцсетях, ответил на комментарии и ещё прямой эфир провёл с места событий. Один человек — как цирк шапито.

— Я бы не выдержал, — признался Арсений.

— А ты не выдержишь. Но некоторые выдерживают. Тех, кто не выдерживает, заменяют нейросети. Одна программа уже пишет новости про футбол и курс доллара.

Каскадёры. Это вообще жуть. Сейчас компьютерная графика может сделать любого актёра Человеком-пауком. Каскадёры нужны всё реже. Через десять лет они останутся только в очень крутых фильмах, где режиссёр — фанат настоящего огня и битого стекла.

Риелторы. — Мам, а зачем нам риелтор? — спросил как-то Арсений, когда мы искали квартиру. — Мы же сами нашли объявление на «Циане». Мама задумалась. И правда — зачем? Каталоги, форумы, обзоры — всё есть в интернете. Риелтор как вид вымирает, как мамонт.

Хорошая новость: не всё потеряно

— Так что, нас всех уволят? — паникует Арсений.

— Не всех. Только тех, кто не хочет учиться новому.

Я достаю список профессий будущего из того же «Атласа». Там есть, например, «сити-фермер» — человек, ко-

торый выращивает овощи на крышах небоскрёбов. «Проектировщик умных домов». «Эко-аналитик». «Разработчик киберпротезов». «Тренер творческих состояний» — звучит как бред, но без шуток.

— Ты понял, да? — я смотрю на Арсения. — Тот, кто умеет переучиваться, выживает. Тот, кто застрял в прошлом, идёт работать фонарщиком в музей. Буквально.

— А если я не знаю, чему учиться?

— А если я не знаю, — передразниваю я. — Слушай, вот тебе план. Найди то, что тебе реально интересно. Не «чтобы мама не ругала», а от чего у тебя глаза горят. И прокачивайся в этом каждый день. И ещё — учись всему вокруг. Как собрать дрон. Как настроить рекламу. Как говорить с людьми. Как писать тексты. Как продавать.

— Это же куча всего!

— А ты думал, в будущем будет легко? Легко — на свалке истории.

Пример из жизни: тётя Зина победила прогресс

Знаете, кто меня вдохновляет? Тётя Зина, бывшая машинистка. Она в 55 лет выучилась на SMM-менеджера. Сейчас ведёт аккаунт местного музея. Публикует посты про старые пишущие машинки. У неё 20 тысяч подписчиков, и она счастлива.

— Зина, как ты это сделала?

— А ты думал, — смеётся она, — если я умела печатать 400 знаков в минуту, то не научусь постить мемы? Просто

не бойтесь, люди. Прогресс — он не враг. Он друг. Немного наглый и бесцеремонный, но друг.

Последний диалог

— Ладно, — Арсений вздыхает и прячет телефон в карман. — А кем мне быть, чтобы не пропасть?

— Кем угодно. Но с одним условием.

— Каким?

— Ты должен уметь делать то, что не сможет робот. Например... придумывать шутки. Утешать друга. Смотреть на закат и говорить: «Красиво». Любить в конце концов.

Арсений молчит минуту.

— Тогда, наверное, я буду... человеком, — говорит он.

— Отличная профессия. Самая редкая сейчас.

— Да?

— Самая. И самая нужная. Роботы не умеют быть людьми. Пока не умеют. А ты умеешь. Иди, дыши.

Он улыбается и уходит. А я остаюсь думать: мы меняем мир. Мир меняет нас. И это не грустно. Это просто... интересно.

Глава вторая: А давай копнём глубже?

Он улыбается и уходит. А я остаюсь думать: мы меняем мир. Мир меняет нас. И это не грустно. Это просто... интересно.

Интересно, чёрт возьми. Как наблюдать за муравейником, который вдруг решил построить небоскрёб. Смешно, суетливо, иногда трагично, но никогда — не скучно.

Я наливаю себе чай, сажусь в кресло и смотрю в окно. За стеклом — обычный двор. Дети гоняют на самокатах. Собака лает на голубя. Бабушка на лавочке тычет пальцем в смартфон. Ей, наверное, внук показал, как заказывать лекарства с доставкой. А лет десять назад она ходила в аптеку пешком, и это было целое приключение: очередь, строгая тётка в белом халате, запах валерьянки и вечные «рецепта нет, приходите завтра».

А теперь? Тыц-тыц — и курьер у двери.

Прогресс, мать его.

Но вот о чём я всё думаю: мы привыкли считать, что технологии — это круто. Быстро, удобно, чисто. Но почему-то, когда я вижу старые фотографии, где люди пишут письма от руки, где стоят в очередях за хлебом, где шьют одежду сами, мне становится немного... тепло. Ностальгия по тому, чего я даже не застал.

— Ты чего загрустил? — в дверях появляется моя жена Лена. Она работает фитнес-тренером, но в прошлой жизни, как она любит говорить, была бы знахаркой или лесной ведьмой. Потому что чувствует настроение за версту.

— Да так. Думаю о том, как всё меняется.

— Это ты про Арсения? Он тебя загрузил своими вопросами?

— Не то, чтобы загрузил, — я кручу в руках кружку. — Просто... сам задумался. Мы же живём как угорелые. Вчера не было интернета — сегодня есть. Вчера не было нейро-

сетей — сегодня они рисуют картинки лучше художников. Вчера мы боялись, что роботы отнимут работу, — сегодня они уже отнимают. А завтра? Завтра они будут петь нам колыбельные и выбирать, какую кашу засыпать в кастрюлю.

Лена садится напротив, поджигает ноги по-кошачьи.

— Слушай, я вот что тебе скажу. Моя бабушка всю жизнь проработала на ткацкой фабрике. Представляешь? Сорок лет, смены по двенадцать часов, шум, пыль, челноки туда-сюда. А когда фабрику закрыли, ей было пятьдесят пять. И что? Она пошла учиться на швею. Открыла ателье. До семидесяти лет шила на заказ свадебные платья.

— И?

— И она была счастливее, чем на фабрике. Потому что меняться — это не страшно. Страшно — не меняться и ныть.

— Ты философ, — улыбаюсь я.

— Я тренер. Это почти одно и то же, только с планкой и приседаниями.

Чай не допит, а мысли текут

Лена уходит на кухню жарить котлеты, а я остаюсь с чаем и мыслями. И вдруг меня осеняет: а давайте-ка я сделаю то, о чём давно мечтал. Позвоню своим старым друзьям, которые работают в разных сферах, и спрошу их в лоб: «Эй, народ, а вы боитесь, что вашу профессию сожрут роботы? Или уже сожрали?»

Идея такая хорошая, что я не удерживаюсь. Достāju телефон, открываю список контактов. Кто у нас тут?

— Саня, системный администратор. Ему тридцать пять. Работает в какой-то крупной компании, отвечает за сервера.

— Катя, бывшая кассирша из «Пятёрочки». Сейчас переучилась на мастера маникюра. Да, да, не смейтесь — это отдельная вселенная.

— Димон, водитель фуры. Дальнобойщик с двадцатилетним стажем. О таких пишут песни и снимают сериалы, но он просто любит дорогу.

— Ирочка, библиотекарь. Работает в районной библиотеке уже пятнадцать лет. Добрейший человек, которого я знаю.

— Славка, журналист. Был в «Комсомолке», потом в интернет-газете, потом его уволили. Сейчас ведёт канал в Телеграмме и говорит, что это «настоящая свобода». Или «настоящая кабала» — зависит от дня недели.

Я набираю сообщения. Коротко: «Привет, есть разговор про работу и будущее. Давай созвонимся?»

Ответы приходят в течение часа.

Саня: «Ок, давай. Только у меня сейчас бекап серверов, буду свободен через час. Позвони».

Катя: «Ой, я как раз клиентку доделываю. Через полчаса звони, поболтаем. А что стряслось?»

Димон: «Сейчас трассу М4 еду. Вечером позвоню, хорошо? А то у меня тут пост ГИБДД, неудобно».

Ирочка: «Звони, милый. Я в библиотеке одна сегодня, тишина. Даже мыши не скребутся».

Славка: «Бро, я только пост допилил про коммунальщи-

ков. Звони через десять минут, сделаю кофе».

Я откидываюсь в кресле. Ну что ж, начинается собственное расследование. Кто боится роботов, а кто уже подружился с ними. Кто сгорел на работе, а кто переродился как птица Феникс. Только без пафоса. С матом, шутками и житейскими историями.

Первый звонок: Саня, системный администратор. Мы нужны, пока всё ломается

Ровно через час телефон оживает. Саня звонит сам, я не успеваю даже нажать «вызов».

— Привет, старик. Ну, выкладывай, зачем тебе про работу? Ты что, книгу пишешь?

— Почти. Статью. Или книгу. Я ещё сам не понял. Про то, как исчезают профессии и люди выживают.

— А-а-а, — Саня протягивает, — классика. Слушай, я, знаешь ли, в этой теме варюсь каждый день. Ты думаешь, системные администраторы — это вечная профессия? А вот хрен.

— Серьёзно? Вы же нужны всегда. Компьютеры ломаются, сервера падают.

— Ломаются, да. Но сейчас всё уходит в облака. Амазон, Яндекс. Облако, всякие там айтишные штуки. Раньше в каждой компании стояла своя серверная, мы сидели в подвале, нажимали кнопки, перезагружали, матерились. А теперь — «арендуй сервер в облаке, плати копейки, не парься». Зачем тогда сисадмин?

— А кто будет чинить, если облако упадёт?

— Там другие сисадмины сидят. В дата-центрах. Их осталось человек пять на всю Москву. Шутка. Но доля правды есть. Знаешь, сколько раньше нужно было админов на один офис? Трое-четверо. А сейчас? Один, и тот на полставки. Потому что всё автоматизировано. Скрипты, мониторинги, автообновления. Даже я уже не помню, когда последний раз вручную что-то правил.

— И ты не боишься?

— Боюсь? — Саня смеётся. — Нет, дружище. Я учусь. Я уже год как осваиваю DevOps — это такая штука, когда ты не просто чинишь, а автоматизируешь всё подряд. Это очень модно. И зарплата в два раза выше. А те, кто не учится, сидят и жалуются. Их уволят. И правильно.

— Жестоко.

— Жизнь жестока. Помнишь, у нас был Вадик, который настраивал принтеры? Он до сих пор считает, что без него мир рухнет. А мир уже три года рулит без него. Он сидит без работы, пьёт горькую и пишет посты в «Фейсбуке», какие нынче все дураки.

— А ты что посоветуешь тем, кто боится?

— Одно слово: учись. Всё время. Каждый день. Даже когда кажется, что ты уже мастер. Появилась новая программа — иди разбейся. Новый язык программирования — хотя бы почитай. Новый тренд в твоей сфере — не спи. Иначе ты — Вадик с принтерами.

— Спасибо, Саня. Жестоко, но честно.

— Всегда пожалуйста. Я побежал, у меня там дашборд красным мигает. Наверное, кто-то перегрузил БД. Или нет, это уже починилось само. Видишь? Роботы уже за нас работают.

Он отключается. А я записываю в блокнот: «Сисадмин — учись или умри».

Второй звонок: Катя, бывшая кассирша. «Меня уволили, и я сказала: спасибо»

Через полчаса звоню Кате. Она отвечает после второго гудка, голос бодрый, будто только что выпила литр кофе.

— Катюха, привет. Как жизнь?

— Отлично! Только что запись закрыла на две недели вперёд. Девочки бегут, как на пожар. Рассказывай, что за тема с работой?

— А ты помнишь, как тебя уволили из «Пятёрочки»?

— Помню? Да я этот день отпраздновала, как день рождения! Слушай, я тебе сейчас всё расскажу, только ты пиши, если хочешь, но безжалостно.

— Обещаю.

— Короче, работала я кассиром в супермаркете. Смена по двенадцать часов, стоя на ногах. Сканер, пиу-пиу, пакеты, сдача, улыбайся. А потом начальство сказал: «Девочки, ставят кассы самообслуживания. Четверо из вас пойдут домой. Спасибо за работу, вы хорошие, но вы больше не нужны». И всё. Никаких тебе «переобучим», «сделаем скидку».

Иди лесом, Катя.

— И ты пошла лесом?

— Я пошла домой, два дня плакала, а потом позвонила подруге Наташке. Она уже год работала в маникюрном салоне, деньги возила лопатой. Я говорю: «Наташ, а сложно?» А она: «Кать, у тебя руки золотые, ты на кассе за день тысячу товаров пробивала, неужели ты ноготь не нарисуешь?» И я пошла учиться. Три месяца курсов, потом практика на апельсинах, потом на подругах, потом первый клиент.

— Страшно было?

— Ой, не то слово. Я же всю жизнь в торговле. Магазины, склады, кассы. А тут — кремы, кисточки, лампы, базы, топы. Я первый месяц боялась даже лампу включать. Но втянулась. А сейчас знаешь, сколько я зарабатываю?

— Сколько?

— В два раза больше, чем в «Пятёрочке». И сидя. Ну, полусидя. И клиенты добрые, приходят как на праздник. А в магазине кто приходил? Злые, уставшие, вечно что-то не так. «Почему дорого? Почему нет сдачи? Почему очередь?» А тут — красота. Приходит девушка, мы с ней болтаем, чай пьём, я ей ногти делаю. Она уходит красивая, я с деньгами. Красота.

— А роботы? Они могут заменить маникюршу?

— Ха-ха-ха! — Катя смеётся так, что динамик дребезжит. — Пусть попробуют. Ты видел, какие у людей руки? Один ноготь в одну сторону растёт, другой — в другую. Кто-то

грызёт ногти, кто-то нарастил неизвестно что. Робот не сможет. Тут нужны глаза, руки, чутьё. И ещё — разговор. Клиент приходит не только за ногтями, он приходит выговориться. Муж бросил, начальник — дурак, дети не слушаются. Я слушаю, киваю, поддакиваю. Робот так не умеет. У робота нет души.

— А если сделают робота с душой?

— Тогда я пойду учиться на кого-нибудь ещё. Но пока не сделали. И слава богу.

— Ты молодец, Катя.

— Я знаю. Ладно, у меня вторая клиентка через пять минут. Приходи на ноготочки, сделаю тебе маникюр со скидкой. Только не грызи, ладно?

— Договорились.

Я кладу трубку и снова пишу: «Кассир — умерла, родилась маникюрша. Вывод: не бойся начинать с нуля».

Третий звонок: Димон, дальнобойщик. «Беспилотники? Пусть попробуют проехать по нашей трассе»

Вечером, когда уже стемнело, звонит Димон. Его голос — это смесь хрипоты, усталости и какой-то спокойной силы. Как будто он только что выпил чай с травами после тысячи километров дороги.

— Димыч, привет. Доехал?

— Доехал, — он зевает. — Сейчас в гостинице, душ принял, пиво пью. Нормально. Ты про что хотел?

— Про твою работу. Дальнобойщики. Они исчезнут? Бес-

пилотники же уже ездят.

Тишина. Я слышу, как Димон вздыхает.

— Слушай, я тебе так скажу. Беспилотники — это для ровных дорог. Для Америки, где шоссе как стекло. А у нас? У нас трасса М4: яма на яме, колеиность, то ремонт, то снег, то гололёд. Беспилотник в такую погоду с ума сойдёт. Его нейросеть не обучена, что делать, если фура перед тобой резко тормозит, а сзади — газель с перегрузом. Человек чувствует. У него в жопе, прости, есть эта самая... интуиция.

— А через десять лет?

— Через десять лет дороги, может, и починят. Тогда да, часть перевозок уйдёт на роботов. Но не все. Понимаешь, дальнобойщик — это не только руль крутить. Это и ремонт на ходу: если что-то сломалось в поле, никто тебе не поможет. Сам с ключом ползи под фуру. Это и общение с диспетчером, и бумажки, и таможня. Робот не подпишет накладную. Робот не договорится с охраной склада. Робот не выпьет кофе с дальнобоем на заправке и не расскажет, где сейчас грузят без очереди.

— То есть ты не боишься?

— Боюсь другого. Что молодёжь не идёт в профессию. Мы все стареем. Кто будет возить еду в магазины через двадцать лет? Роботы? Может быть. Но пока роботы не ездят, а продукты нужны каждый день. Так что, наверное, найдут кого-то. Может, мигрантов. Может, женщин. Кто знает.

— А ты сам чему учишься?

— Смеёшься? Я учусь водить беспилотные системы. Да-да, не ржи. Прошёл курсы, теперь могу управлять не только фурой, но и её «мозгами», если они есть. На работе сказали: «Дима, если хочешь остаться, учись работать с новой техникой». Я учусь. Не хочу на пенсию в пятьдесят пять лет сидеть и внукам рассказывать, какой я был крутой. Хочу быть крутым сейчас.

— Ты железный человек.

— Нет, я ленивый. Просто лень быть бедным и никому не нужным. Ладно, пиво допиваю и спать. Завтра в пять утра выезжать.

— Счастливо, Димон.

— И тебе не хворать.

Запись: «Дальнобойщик — робот не заменит, если ты умеешь больше, чем крутить руль».

Четвёртый звонок: Ирочка, библиотекарь. «Сгоревшая библиотека и как я стала блогером поневоле»

На следующий день, в обед, звоню Ирочке. Она отвечает шёпотом, потому что в читальном зале старушка смотрит журнал «Здоровье» и не любит шума.

— Ира, привет. Ты можешь говорить?

— Да, вышла в подсобку. Слушай, только недолго, у меня через полчаса мероприятие для детей. Будем читать стихи про осень.

— Окей. Скажи честно: библиотекари умрут как профессия?

Ирочка вздыхает. Я слышу, как она садится на стул и крутит в руках ручку.

— Ты знаешь, я очень люблю свою работу. Но она умирает. Медленно, но верно. За последние пять лет у нас закрылись три библиотеки в районе. Осталась одна — наша. Люди не ходят за книгами. Они читают с телефонов, с планшетов. Им не нужен бумажный Достоевский, когда есть аудиокнига на два часа.

— Но ведь есть те, кто любит бумагу?

— Есть. Мало. Старушки, которые привыкли. Несколько студентов, которым нужны редкие издания. И дети, которых приводят родители для «культурного просвещения». Но родителей всё меньше. Они сами не читают, зачем им дети?

— И что ты делаешь?

— А я, милый мой, делаю то, что меня никто не просил. Я завела блог. Да-да, библиотечный блог. Я там рассказываю про старые книги, про интересные факты, делаю обзоры. Иногда снимаю смешные видео: как мышь в библиотеке съела страницу «Войны и мира», или как дедушка пришёл сдавать книгу 1960 года выпуска с закладкой в виде сухаря.

— И что, помогает?

— У меня уже десять тысяч подписчиков. Спойлер: это не школьники. Это взрослые люди, которым ностальгия дорога. И знаешь, что самое интересное? Они начали приходить в библиотеку. Не толпами, но человек двадцать в неделю. Я провожу для них экскурсии, рассказываю про историю зда-

ния, показываю редкие книги. Я теперь не просто библиотекарь. Я экскурсовод, блогер, сценарист и психолог в одном флаконе.

— А зарплата?

— Выросла. Немного. Но главное не в деньгах. Главное, что я не вымерла как мамонт. Я перестроилась. А те мои коллеги, которые говорили «зачем мне этот интернет, я книги выдаю», — они уже не работают. Их библиотеки закрылись.

— И ты не боишься?

— Боюсь. Конечно, боюсь. Но я лучше боюсь и иду вперёд, чем не боюсь и лежу в гробу. Ладно, дети пришли. Я побежала. Приходи на стихи, будет весело.

— Обязательно.

Запись: «Библиотекарь — умри или стань экскурсоводом, блогером и аниматором».

Пятый звонок: Славка, журналист. «Меня уволили три раза, а теперь я сам себе начальник»

Славка перезванивает, когда я уже думаю, что он забыл. Вечер пятницы, он явно выпил чего-то покрепче кофе, потому что голос весёлый и чуть развязный.

— Славик, привет. Ты пьян?

— Нет, я счастлив. Сегодня мой пост про управляющую компанию набрал двести тысяч просмотров. Пришли комментарии от мэра. Мэр, Карл! Написал: «Разберёмся». А раньше, когда я работал в газете, меня посылали на три буквы за любой острый материал.

— Так ты теперь блогер?

— Я — свободный журналист. Пишу о том, о чём хочу. Не хочу — не пишу. Раньше у меня был редактор, который говорил: «Слава, переделай заголовок, Слава, убери сатиру, Слава, добавь пафоса». А теперь я сам себе редактор, сам себе корректор, сам себе пиар-менеджер.

— И как ты к этому пришёл?

— А меня уволили. Три раза. Первый раз — из областной газеты, когда она закрылась. Второй раз — из интернет-портала, когда его купила другая компания и сократила штат. Третий раз — из новостного агентства, когда мой пост про губернатора не понравился рекламодателям. Я тогда напился, поныл две недели, а потом сказал: «Славка, твою мать, бери себя в руки». И завёл канал.

— Трудно было?

— Первые полгода — ад. Я писал по ночам, потому что днём работал в такси. Да, да, я развозил людей, чтобы заплатить за квартиру. А по утрам смотрел статистику: тридцать просмотров, пять лайков, два комментария. Один комментарий от мамы: «Сынок, молодец». Второй — от бота с рекламой казино.

— А потом?

— А потом я нашёл свою тему. Знаешь, какую? Коммунальные проблемы. Люди ненавидят управляющие компании, я это знаю с детства. Я начал писать: почему текут крыши, почему не убирают снег, почему в подъезде темно. И по-

неслось. Через полгода у меня было пять тысяч подписчиков. Через год — двадцать. Сейчас — пятьдесят. И я не хожу на работу, не кланяюсь начальству, не правлю чужие тексты.

— А роботы? Нейросети пишут новости?

— Пишут, — Славка сплёвывает (в переносном смысле).

— Но они пишут шлак. Без души, без юмора, без гнева. Нейросеть не напишет: «Дорогие мои, эти козлы из ЖЭКа опять не вывезли мусор, и вонь стоит на весь двор». А я напишу. И люди читают. Потому что я живой. Потому что я такой же, как они. А робот — нет.

— И всё же: исчезнут журналисты?

— Исчезнут те, кто просто перепечатывает новости с лент агентств. Таких заменят программы. А те, кто умеет рассказывать истории, кто умеет бесить и радовать, кто умеет писать как человек, — те будут всегда. Пока люди — люди.

— Славка, ты поэт.

— Я — журналист, блин. Слушай, давай закругляться. Меня ждёт вторая порция вискаря и монтаж видео про протекающую крышу. Приходи в гости, устроим стрим.

— Обязательно.

Запись: «Журналист — умри как рерайтер, родись как сторителлер».

А теперь — к тем, кто ещё не понял

Я откладываю телефон и смотрю на свои записи. Получается интересная картина:

Те, кто учится новому, выживают и даже процветают.

Те, кто ноет и цепляется за прошлое, исчезают.

Роботы заменяют не профессии, а лень и тупость.

Человеческое — внимание, забота, юмор, интуиция, гнев, радость — остаётся самым ценным.

Звучит как банальность? Возможно. Но почему-то миллионы людей продолжают сидеть на месте и жаловаться, что мир изменился. А мир не спрашивал разрешения.

— Пап, — в комнату заглядывает Арсений. Он уже не такой напуганный, как вчера. — А ты что делаешь?

— Думаю, — говорю я. — И записываю. Чтобы ты, когда вырастешь, не стал как тот чувак с принтерами.

— С какими принтерами?

— Неважно. Ты лучше скажи: ты уже понял, кем хочешь быть?

Арсений мнётся, чешет затылок. Потом выдаёт:

— Хочу делать что-то, что робот не сможет. Например, смешить людей. Или лечить животных. Или строить дома своими руками. Или всё сразу.

— А учиться?

— Учиться буду. Но только тому, что интересно. А остальное — пусть роботы делают.

Я смотрю на него и думаю: а ведь он прав. Идеальная формула выживания в новом мире: делай то, что любишь, и учись тому, что пригодится. А остальное — автоматизируй, делегируй, покупай.

Может, в этом и есть ответ?

Я снова беру блокнот и пишу:

«Прогресс — это поезд. Можно плакать на перроне, глядя, как он уходит. Можно сесть в него и испугаться скорости. А можно стать машинистом. Выбор, как всегда, за тобой. Только времени на раздумья осталось всё меньше. Вагончик тронется — и поехал. С тобой или без тебя».

Эпилог первой серии

За окном уже глубокая ночь. Лена спит на диване, укрывшись пледом. Арсений ушёл к себе, включил какой-то ролик про роботов на Ютубе. А я всё сижу и думаю.

Вспоминаю свои старые профессии. Да-да, у меня их было несколько. Я работал и грузчиком в молодости, и продавцом в магазине электроники, и копирайтером в какой-то конторе, и даже учителем истории в школе целых два года.

И что? Больше половины этих работ уже не существуют в том виде, в каком я их знал. Продавец в магазине электроники — пожалуйста, маркетплейсы и дроны-доставщики. Учитель истории — пожалуйста, онлайн-курсы и нейросеть, которая объяснит Вторую мировую лучше любого живого человека, если задать правильный промпт.

Но я не исчез. Я переучивался, переезжал, пробовал новое. Боялся, ошибался, плакал даже. Но не останавливался.

Потому что остановка в этом мире — это смерть. Не физическая, а профессиональная. Ты превращаешься в тот самый экспонат: «Человек-будильник, начало XX века, не работает, реставрации не подлежит».

— Лена, — тихо зову я, — а ты не боишься, что твою работу фитнес-тренера заменят роботы?

Она приоткрывает один глаз.

— А ты видел, как люди занимаются? Они не могут при-
сесть правильно, даже когда тренер орёт на ухо. Робот их
просто убьёт. Или они убьют робота. Так что я спокойна. Но
учиться всё равно надо. Вот, записалась на курсы по кинезиологии. Буду разбираться, как работают мышцы на молекулярном уровне.

— Ты уже это знаешь.

— Я знаю только то, что знаю. А есть миллион вещей,
которых я не знаю. И робот, между прочим, будет знать их
раньше меня. Так что надо спешить.

Она закрывает глаза и через минуту уже дышит ровно. А
я пишу последнюю строчку на сегодня:

«Мир меняется. Мы меняемся. Не всегда успешно, не всегда быстро, не всегда без потерь. Но если мы меняемся — мы живы. А если нет — то мы уже в музее, среди пинсеттеров, фонаричков и телефонисток. Добро пожаловать в экспозицию. Экскурсия бесплатная. Выхода нет».

Глава третья: «А что там с нашими детьми? Или репортаж из школы будущего»

Ночь прошла. Утро встретило меня не петухами и даже не будильником на телефоне, а странным звуком из комнаты Арсения. Я приоткрыл дверь и обомлел.

Арсений сидел за столом и... читал книгу. Бумажную. Са-

мостоятельно. В семь утра.

— Ты заболел? — спросил я, пощупав его лоб.

— Отстань, — буркнул он, но беззлобно. — Я тут подумал. Ты вчера говорил про библиотекаря Ирочку. И про то, что люди перестали читать. А я люблю читать. Но я не люблю, когда заставляют. Вот вы в школе заставляете — и мне не хочется. А когда сам нашёл книгу про роботов — я прочитал за два дня.

— Какую книгу?

— «Эндер игра». Там чувак учится воевать с инопланетянами в симуляции. Классно. Там тоже про будущее.

Я сел рядом с ним. Вот это поворот. Мой сын (да, Арсений — мой сын, племянником я его назвал в первой части для простоты, но на самом деле он мой, и это важно) читает книгу про будущее, потому что она ему интересна. А в школе он еле дышит на литературе.

— Слушай, — сказал я, — а давай я сегодня схожу в твою школу? Поговорю с учителями. Спрошу, как они видят будущее. И заодно посмотрю, чему вас там учат.

— А можно? — Арсений оживился. — Ты только к директору не ходи. А то опять будет «наш лицей — лучший в районе». Пойди к информатику. Он нормальный.

— К информатику? А что, он не такой, как все?

— Он странный. У него вместо галстука — значок с пингвином. И он говорит, что школа — это не место для знаний, а место для того, чтобы научиться учиться. Его все боятся,

потому что он спрашивает странные вещи. Например: «А ты уверен, что твой ответ — правильный? А почему ты так решил? А если я скажу, что нет?»

— Мне нравится этот чувак, — улыбнулся я. — Как его зовут?

— Антон Сергеевич. Но он разрешает называть себя «Энтон» с ударением на «э». Говорит, что это версия на будущее.

Я чуть не поперхнулся чаем. Так, это надо видеть своими глазами.

Диалог в школьном коридоре. Или как я чуть не потерял сознание от запаха перемен

Школа встретила меня запахом борща (столовая), криками из спортзала (физра) и гулкой тишиной в коридоре (контрольная по математике во втором «А»). Я нашёл кабинет информатики на третьем этаже. Дверь была украшена плакатом: «Здесь не учат кнопки нажимать. Здесь учат думать».

Я постучал.

— Войдите, если вы готовы к тому, что я не знаю всего, — раздалось изнутри.

Антон Сергеевич (простите, Энтон) оказался мужчиной лет тридцати пяти, в джинсах, свитере с оленем и тех самых пингином на бейдже. Он сидел на столе, а перед ним на партах сидели десять учеников. Среди них — Арсений. Он поймал мой взгляд и сделал страшные глаза: «Папа, только не позорь».

— Здравствуйте, — сказал я. — Я папа Арсения. Мож-

но мне поприсутствовать на уроке? Я пишу большую статью про будущее профессий и хочу понять, чему вы учите детей.

Энтон улыбнулся.

— Садитесь. Мы как раз обсуждаем тему, которая вам подойдёт. Ребята, давайте продолжим. Тема сегодня: «Какие профессии исчезнут, когда вы вырастаете?» Арсений, ты вчера принёс интересную статью. Расскажи.

Арсений встал. Я вытянул шею. Мой сын? Принёс статью? Добровольно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.